

Простежується наступна діалектична закономірність: чим більший коефіцієнт відповідності/тотожності національних і державних інтересів, тим менша ймовірність виникнення політичних конфліктів здатних призвести до кризи і дезінтеграції суспільства, і, навпаки.

ЛІТЕРАТУРА

1. Кириченко В. Національні інтереси (форми вияву) // Мала енциклопедія етнодержавознавства / НАН України. Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького. – К. : Довіра : Генеза, 1996. – 942 с. – С. 118.
2. Вступ до етнополітології : науково-навчальний посібник / О. В. Картунов. – К., 1999. – 300 с.
3. Чекаленко Л. Д. Зовнішня політика України : підручник / Л. Д. Чекаленко. – К. : Либідь, 2006. – 712 с.
4. Про основи національної безпеки України : Закон України від 19 червня 2003 року № 964-IV [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Законодавство. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/964-15>

В. Г. Пищемуха,

*кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой общегуманитарных дисциплин,
Международный гуманитарный университет*

UNE IDÉE FIXE EUROPÉENNE D'HISTOIRE

Одним из методов проверки значимости какого-либо является создание ассоциативного поля, возникающего при одном лишь произношении его названия. Так, маленький камешек, брошенный в пруд, вызывает лишь легкое колебание водной глади, тогда как падение крупного и тяжелого предмета приводит в смятение весь надводный и подводный мир.

Невозможно предугадать и охватить огромное количество ассоциаций, связанных с именем «Европа». Одним из первых всплывает в сознании образ похищения Европы, перед глазами проплывают настенная живопись Помпей, картины Тициана, Веронезе, Тинторетто, Рембрандта, Тьеполо, Серова. Эта светлая элегическая ассоциация наполняется звучанием волшебных строк стихотворения никарагуанца Рубена Дарио «Раковина»:

Я отыскал ее на берегу морском;
она из золота, покрыта жемчугами;
Европа влажными брала ее руками,
плывя наедине с божественным быком.

При дальнейшем расширении ассоциативного поля вспоминаются пронизанные ностальгией метафорические финальные кадры кинофильма Эмира Кустурицы «Underground» («Подполье», Золотая пальмовая ветвь Каннского кинофестиваля 1995 г.), на которых от материка откалывается часть суши и медленно уплывает вдаль, унося в прошлое радостных и счастливых людей. Их уже нет в живых, не существует и та страна, которая была их домом – Югославия. Эта сцена сопровождается печальными словами: «Мы построили дома под красной крышей, рядом аисты свили свои гнезда, двери у нас открыты для дорогих гостей. Мы благодарны земле, что нас кормит, солнцу, что нас греет, полям, что напоминают о зеленой траве у дома».

С болью и радостью мы вспоминаем нашу страну и рассказываем детям сказки всегда с одним и тем же началом: «Однажды была на свете страна...»

Это реквием о бывшей Югославии, но сколько раз он мог прозвучать о Европе! Сколько раз история уготовила Европе очередное «похищение», в результате которого от нее могли бы остаться только грустные воспоминания!

Первое испытание Европа выдержала в греко-персидских войнах V в. до н. э., благодаря которым ее имя впервые было увековечено на страницах Геродота. У Марафона и при Саламине, в этом столкновении цивилизаций, начало рождаться европейское культурное и политическое самосознание, слово «Европа» перестает быть исключительно географическим понятием.

Новая Европа выросла в результате длившегося несколько веков слияния греко-римской античности и мира варварских племен. Процесс трансформации одной цивилизации в другую был длителен и многомерен, но в потоке составлявших его событий есть одно, которое могло прервать ход европейской истории. Оно свершилось в 451 году на равнине в Северо-Восточной Франции, которая называлась Каталаунскими полями. Пройдет сто лет, но готский историк Иордан не сможет сдержать удивления перед грандиозностью этого события: «Итак сошлись на Каталаунских полях... Этот кусок земли стал местом битвы бесчисленных племен.

Какую можно сыскать причину, достойную того, чтобы привести в движение такие толпы? Какая же ненависть воодушевила всех вооружиться друг против друга?» [1, с. 104]. В этом сражении, которое можно рассматривать как символ зарождавшейся новой Европы, римские войска плечом к плечу с германскими племенами разгромили орды гуннов. Европа снова сохранила возможность идти путем своей собственной судьбы.

Но в самый разгар становления Европы над ней нависла новая угроза – арабы. Менее чем через сто лет после хиджра Мухаммеда из Мекки в Ясриб в 622 году они осадили Европу. И хотя на этот раз Константинополь выстоял в 718 г. и задержал арабскую экспансию с юго-востока, они прорвались с юго-запада, покорив всего за несколько лет Вестготское королевство в Испании и начав проникновение через Пиренеи на территорию Франкского королевства. Кто мог остановить это победное шествие? «Ленивые короли» дряхлеющей династии Меровингов, правители лонгобардов, так и не сформировавшие полноценное государство на севере Италии или полудикие варварские племена? Казалось, Европа обречена.

И тогда произошло то, что не поддается однозначному объяснению: то ли «чудо», то ли «закономерное следствие развития феодальных отношений», то ли просто в нужное время на нужном месте оказался человек, который переломил фатальное развитие событий. Объясняя подобную ситуацию, Пушкин только развел руками:

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

К октябрю 732 года мавры продвинулись уже к бассейну Луары, где возле Пуатье их встретил во главе рыцарской конницы Карл Мартелл, дед будущего императора Карла Великого. Его победа в этой битве пресекла первую волну давления исламской цивилизации на Европу и, по словам А. Тойнби, «...ответом на этот

вызов стал первый проблеск самосознания западного общества, вынужденного вступить в неравную поначалу борьбу» [2, с. 162].

Прежде чем захватить историческую инициативу и на несколько веков занять доминирующее положение в мире, Европа подверглась еще одному испытанию на жизнестойкость: со стороны Османской империи. В этот раз угроза была особенно значительной, поскольку в Европе бушевала Реформация и шли изнуряющие феодально-религиозные войны, а османов возглавляла целая плеяда выдающихся султанов. Константинополь снова встал на пути исламской угрозы и, не смотря на отчаянные попытки византийских императоров получить помощь от государств Запада, пал в 1453 г. Это событие по своему воздействию на современников сопоставимо с потрясением от падения Рима, на много десятилетий оно посеяло в Европе страх и неуверенность в будущем, усиливаемые падением Белграда (1521), разгромом венгров под Мохачем (1526), осадой турками Вены (1529) и т. д. Французский историк Ф. де Коммин, который провел всю вторую половину XV века на службе при дворах Карла Смелого, Людовика XI, Карла VIII и Людовика XII, следовательно, прекрасно был осведомлен в тонкостях современной ему европейской политики, с горечью констатировал: «Для всех христианских государей было большим бесчестьем, что они допустили потерю Константинополя» [3, с. 263]. Многие страницы его «Мемуаров» отражают влияние турецкого фактора на политику европейских государств и попытки их консолидации перед лицом общей угрозы. Но в конечном счете и эта попытка «похищения» Европы была преодолена.

Наибольшие опасности для Европы возникли в XX веке и исходили они от нее самой: две европейские гражданские войны, покушение на европейские ценности со стороны рожденных европейской цивилизацией коммунизма и фашизма. Но и в самые мрачные годы «заката Европы» продолжала жить вера в ее историческую звезду. Пророческой с позиций сегодняшнего дня оказалась мысль Эмиля Лебона, высказанная им в 1937 году в книге с показательным названием «Агония Европы»: «Европа устраненная, разделенная, вооружающаяся для своего саморазрушения, и разваливающаяся вооружаясь, не является ли она полем сражения распростертого в агонии тела, где феникс жизни, жадный к новым формам, только лишь уступает смерти, чтобы иметь возможность возродиться» [4, с. 12].

Способность европейских народов к сомнению и самокритике, традиционная неудовлетворенность существующим порядком вещей постоянно вела Европу по пути обновления посредством переосмысления идей и трансформации ценностей, создания новых форм общественных отношений. Сложилась своеобразная и по-своему уникальная традиция кризисов и обновлений, которая пронизывает всю европейскую историю. И если многие цивилизации на определенном этапе своей истории застывали в жесткой оболочке традиций и стереотипов, Европе долго удалось избежать цивилизационного дряхления.

Чтобы понять секрет исторической устойчивости и неувядающей молодости Старого континента, обратимся к двум феноменам его истории: во-первых, к процессу становления Европы, во вторых, к европейской идее, которая сопровождает историю европейской цивилизации на протяжении уже многих веков.

Наверное, нет ничего более впечатляющего в астрономии, нежели наблюдать за возникновением новой планеты, как нет ничего более увлекательного в истории, чем изучать рождение новой цивилизации. В предисловии к своей книге «Происхождение современной Франции» Ипполит Тэн употребил метафору, согласно которой историк подобен натуралисту, присутствующему при превращении куколки

в бабочку [5, с. 6]. Например, удивительно энергичное рождение, стремительная пространственная экспансия и быстрое культурное созревание исламской цивилизации, а затем – длительная стагнация.

В случае с Европой это превращение длилось долго и сложно, но в результате возникла прочная, целостная при всем своем многообразии, постоянно развивающаяся система этносов, культур и государств. И ее невозможно постичь, изучая развитие каждого национально-государственного или иного элемента: история Европы трактуется не как сумма историй отдельных стран, а как процесс развития особой исторической общности, имеющей сложную внутреннюю структуру.

Первым условием постижения феномена Европы является осмысление процесса перехода от античности к средневековью. Древняя Греция и Рим – это еще не Европа, но без восприятия их наследства вряд ли сложилась бы современная культурно-историческая общность европейских народов. Как отмечал Поль Валери, все, что ведет происхождение из Иерусалима, Афин и Рима является подлинно европейским. Ибо органическое слияние христианской религии, греческой философии и римской государственно-правовой системы составило духовную колыбель Европы. Из Рима и Константинополя эстафета античной цивилизации была принята на Западе и Востоке Европы.

Существует удивительно устойчивое представление о падении Западной Римской империи, которое созвучно апокалиптическому духу знаменитой картины К. Брюллова «Последний день Помпеи». Отличие в том, что вместо огня и пепла, извергаемого Везувием, предстают обрушившиеся на римлян германцы.

В действительности Европа начиналась более обыденно и далеко не согласно принципа «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем, мы наш, мы новый мир построим...» Ее становление происходило не в форме исторического скачка, а в процессе непрерывного развития западной части континента путем синтеза римского и варварского миров. В свое время проходили острые дискуссии между романистами и германистами по вопросу о том, какое начало преобладало в становлении Западной Европы: римское или варварское. Например, когда крупнейший немецкий историк, будущий лауреат Нобелевской премии 1902 г., Т. Моммзен (1817–1903) принялся обосновывать историческое право Германии на Эльзас, его выдающийся французский коллега Фюстель де Куланж (1830–1889) откликнулся фундаментальным трудом «История политических учреждений древней Франции». В нем он с позиций т. н. теории континуитета (непрерывности) обстоятельно аргументировал мысль, что европейская цивилизация сложилась в результате постепенного преобразования Римской империи в раннефеодальные варварские королевства, в которых быстро произошла романизация завоевателей, не оказавших влияния на зарождение нового общества.

Спор о романском или германском происхождении Европы привел к выводу о синтезе обоих начал в сфере идей и ценностей, религии, языка, социальных структур, государственного устройства и т. д. Как писал французский государственный деятель, историк Ф. Гизо (1787–1874), «когда я...старался различить в колыбели европейской цивилизации ее первоначальные и существенные элементы, то нашел, с одной стороны, римский мир, с другой – варваров» [6, с. 27].

Вторым, после романизации, фактором сплочения Европы стало христианство. Эпохальное значение с точки зрения становления предпосылок рождения европейской цивилизации имел эдикт Константина 313 г., предоставивший христианству статус одной из религий Римской империи, обращение в христианство

самого императора и последовавшее за этим слияние римского государства и христианской религии, романского и христианского начал будущей Европы.

Начиная с гибели Рима именно христианская церковь во все возрастающей степени становится связующим звеном, объединяющим элементом на заре европейской цивилизации. Как сказал Максимилиан Волошин:

В глухую ночь шестого века	Свершилось преосуществленье
Когда был мир и Рим простерт	Всемирной власти на земле:
Перед лицом германских орд,	Орлиная разжалась лапа
И гот теснил и грабил грека,	И выпал мир. И принял Папа
И грудь земли и мрамор плит	Державу и престол воздвиг.
Гудели топотом копыт...	И новый Рим процвел – велик,
...И древний Рим исчез во мгле,	И необъятен, как стихия.

Принятое варварами христианство явилась объединяющей идеологией, опираясь на которую европейцы строили свои отношения с окружающим миром. Так, уже в 769 г. хронист Исидор Младший писал об армии «европейцев», которая сражалась против арабов. В дальнейшем, шла ли речь о крестовых походах, об освобождении Константинополя или защите Вены от турок понятия «христианство» и «Европа» употреблялись как тождественные.

С христианской церковью связан ряд важнейших общеевропейских феноменов, которые формировали единую ткань европейской цивилизации. По времени на одном из первых мест стоит монашество и монастыри. Общеевропейским достоянием стали выдающиеся деятели церкви, которые обогатили историю и культуру Европы, способствовали формированию ее духовного облика: «Без святых Бенедикта, Кирилла и Мефодия, Бонифатия, Владимира, Венцеслава, Стефана, Франциска, Доминика, Бернара, Сергия Радонежского, Фомы Аквинского, Бонавентуры и многих других учителей веры и культуры мы не можем понять нашу цивилизацию» [7, с. 137].

Существуют ценности, потеря которых лишает смысла факт существования чего-либо. Для Европы одной из них являлось христианство. Поэтому дискуссия о внесении в проект несостоявшейся Конституции Европейского Союза положения о цивилизационном значении христианства является знаковым.

Третьим важнейшим фактором европейской консолидации стала культура. Формирование единого культурного пространства Европы началось с общеевропейской сети монастырей и латыни, универсального языка религии и образования. Очень рано к ним добавился третий компонент – университеты. Начиная с их возникновения, они стали одним из наиболее ярких образцов целостности нарождающейся новой цивилизации. В их стенах менее всего проявляла себя этническая и государственная ограниченность, преподаватели и студенты представляли собой пестрые интернациональные коллективы, видевшие свой главный долг в овладении знаниями и развитии наук. Так, в Болонье в XII–XIII вв. одновременно изучали право около 10 тыс. студентов, главным образом иностранцы [8, с. 127, 555].

Именно в университетах начал формироваться тип образованного европейца, чьим духовным отечеством становилась вся Европа. На фоне бесконечных внутриевропейских конфликтов и бесчисленных межгосударственных барьеров только культура служила незыблемым символом Европы и средством непрерывного межнационального диалога. Джеймс Джойс отмечал, что национализм является

ценой, которую человечество платит за свое культурное разнообразие. Эта мысль более всего применима к Европе, которая отличается особой множественностью и противоречивостью духовных процессов, глубокой индивидуальностью ее национальных культур.

Но из этого культурного многообразия возник чудесный сплав целостной европейской культурной сферы, в формировании которой первостепенное значение имели общеевропейские культурные феномены. Первым из них стало Каролингское возрождение VIII–IX вв., которое объединило на территории огромной империи Карла Великого интеллектуальную элиту Европы от Англии до Италии. И сегодня восстановленная Аахенская капелла, выдающийся архитектурный памятник эпохи становления Европы и гробница ее первого «отца» – Карла Великого, «остаётся непреходящим символом истоков обновления, побуждая не прекращать усилий, сохранять преемственность, постоянно воссоздавать, возрождать прошлое» [9, с. 14].

Со временем культурные традиции стали одним из главных источников европейского коллективного самосознания, которое складывалось в процессе многовекового культурного диалога европейских наций, его высшими проявлениями явились Ренессанс, Реформация, Просвещение, классицизм, романтизм, модернизм. Зародившись в какой-либо одной стране или регионе, эти культурные революции вскоре превращались в явления общеевропейского масштаба.

Вместе с процессом формирования европейских наций и национальных государств, происходит становление национальных культур. Каждая из них отражает специфику развития народов Европы и, взятые в отдельности, они образуют многокрасочную культурную мозаику. Но в то же время, между ними постоянно происходил диалог и взаимовлияние, они были составными частями общеевропейских культурных процессов, возвышая людей поверх государственных и национальных барьеров и создав один из таких феноменов цивилизации, как европейское духовное единство на основе культурного многообразия. Озираясь на путь европейской интеграции, пройденный после второй мировой войны, Ж. Монне с полным основанием мог констатировать: «Если бы мне пришлось все начать сначала, я начал бы с культуры» [10, с. 156].

Таким образом, процесс «превращения личинки в бабочку» занял несколько веков, на нашей планете появилась новая цивилизация, чье историческое, духовное, культурное и экономическое единство парадоксальным образом основывалось на бесконечном многообразии составляющих ее народов и индивидуумов. Европа предстала перед миром не как механическая сумма культур и стран, а как качественно новое явление в своей органичной целостности. Постигание истории Европы предполагает вслед за немецким философом И. Гердером поставить и разрешить следующую проблему: «Какими путями пришла Европа к культуре, как обрела она то достоинство, каким отмечена перед всеми другими народами? Время, место, потребности, условия, обстоятельства, поток событий – все шло в одном направлении, но обретенное достоинство в первую очередь было результатом бесчисленных совместных *солидарных усилий*, плодом *собственного трудолюбия и прилежания*» [11, с. 607].

Но связанная множеством уз в единое целое, представляющая собой по существу *одну страну*, Европа в течение всей своей истории страдала страшной болезнью: внутриевропейскими гражданскими войнами. Поистине наш континент жил

согласно словам Ницше, вложенным в уста Заратустры «Любить мир как средство к новым войнам. И краткий мир больше, чем длительный».

С течением времени войны в Европе становились все более кровавыми и разрушительными, в последние 700 лет нет ни одного столетия, не отмеченного общеевропейской войной. А две мировые войны XX века, казалось, должны были дать окончательный ответ на знаменитый вопрос Поля Валери: «Станет ли Европа тем, чем она является в действительности, то есть маленьким мысом Азиатского континента?».

Одним из закономерных следствий войны явилось неизбежное снижение рождаемости. Так, в годы первой мировой войны (в % к довоенному уровню) оно составило: в Германии – 49, Франции – 49, Италии – 43, Англии – 25. Общее сокращение населения в целом по Европе за 1915–1917 гг. составило ок. 25 млн. человек [12, с. 208–209]. Дефицит рождений среди европейских народов вспыхнул с новой силой в годы второй мировой войны и в значительной мере сохранился после ее окончания. Это привело к нарастающим демографическим проблемам в Европе. Сложившийся дефицит трудовых ресурсов вызвал выходящую за все пределы разумного иммиграцию из Азии и Африки, что ставит под угрозу само существование европейской цивилизации.

Параллельно с процессом рождения новой Европы, который всецело проявил себя на рубеже 1000 года, зрело убеждение в неестественности и опасности вражды и конфликтов, раздирающих христианский мир. Знаменательно, что первое общеевропейское духовно-политическое движение явилось одновременно и первым в Европе движением за мир. Речь идет о Ключонийской реформе X–XI вв., получившей свое название от бенедиктинского монастыря Ключони во Франции, который имел в 1109 г. филиалы от Испании до Германии и от Италии до Англии [13, с. 82]. Сторонники этого мощного реформаторского движения боролись не только за независимость церкви от светской власти и восстановление христианских добродетелей, но также выдвинули и активно внедряли в жизнь идею Мира Господнего. Духовенство и светские правители на своих соборах принимали решения о запрете под страхом отлучения от церкви различных актов войны, их прекращении по определенным дням, о защите мирного населения. «На Буржском соборе 1038 г., например, было объявлено, что всякий взрослый христианин в епархии епископа должен дать...клятву и вступить в специальное ополчение для поддержания мира» [8, с. 97].

Подобное стремление европейцев решить общие проблемы своего континента, опираясь на его органичную целостность, поиск путей достижения европейского единства привело к образованию такого феномена европейской цивилизации как **европейская идея**. Только исходя из этой культурно-исторической и политической категории мы можем понять предпосылки европейской интеграции и в полной мере оценить фундаментальность и масштабность интеграционной работы, которая была проделана европейцами в XX веке.

Теоретически европейская идея никогда не имела законченного общепринятого содержания и, тем более, полного практического воплощения, но она, как призрак, тысячу лет сопровождала Европу на тернистых путях ее истории, воплощая главную мечту бесчисленных поколений европейцев и напоминая об их историческом долге. Став для Европы манящим горизонтом, поистине *une idée fixe* (идефикс, навязчивая идея), она то затухая, то привлекая к себе обостренное внимание, была постоянной альтернативой традиционной реальной политики, которая в конечном

итоге всегда заканчивалась войной. В итоге в XX в. эта альтернативность европейской истории приобрела вполне гамлетовский максимализм: быть или не быть Европе такой, какой мы ее знаем, любим и в какой хотели бы жить.

Тема европейской идеи широко представлена в западной научной литературе, внимание к ней обусловлено, прежде всего, процессом европейской интеграции во второй половине XX в. [14]. Среди авторов указанных работ значатся крупные ученые и политики, такие как Х. Брюгманс, основатель Европейского Федералистского Союза и первый ректор Европейского колледжа в Брюгге, патриарх французской исторической науки Ж.-Б. Дюрозель. В советской и постсоветской научной литературе круг специальных работ по теории и истории европейской идеи был и остается традиционно узким [15].

Представляется, что изучение проблематики, объединенной понятием европейская идея, включает в себя три взаимосвязанных направления.

Первое, – процесс формирования географической, исторической, духовной, религиозной, культурной, психологической общности европейских стран и народов, становление и развитие европейской идентичности.

Второе, – анализ внутренних (европейские войны, экономические кризисы, угроза тоталитаризма) и внешних (арабская, турецкая и другие экспансии) вызовов и угроз, которые диктовали необходимость европейской консолидации.

Третье, – формы и механизмы достижения долговременного и эффективного европейского единства. Эта задача является самой трудной в истории реализации европейской идеи, но в то же время она фокусирует в себе и уровень цивилизационной целостности Европы и степень угрожающих ей опасностей.

Фактически история европейской идеи – это последовательная цепь интеллектуальных проектов и политических усилий, направленных на объединение Европы, чаще во имя общих, например, «вечный мир», но нередко и узко эгоистических интересов.

В настоящее время перед Европой возникли новые вызовы, которые требуют интеллектуального, нравственного и политического мужества, чтобы признать их и начать давать ответ. Эту ситуацию четко обрисовала Ориана Фаллачи: «Бывают в жизни моменты, когда молчание становится виной, а слово долгом. Гражданским долгом, моральным вызовом, категорическим императивом, от которых нельзя уклониться» [16, с. 14]. Увольнение Тило Саррацина из состава членов совета директоров Немецкого федерального банка за публикацию книги «Германия самоликвидируется» лишь демонстрирует актуальность и остроту озвученных им проблем.

Возможно, Европа теряет свой *telos*, т. е. имманентную цель и предназначение:

Казалось, пройдено так много
И вот привал,
Но что потеряна дорога –
Кто знал, кто знал...

ЛИТЕРАТУРА

1. Иордан О. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / О. Иордан. – М. : Издательство восточной литературы, 1960. – 436 с.
2. Тойнби А. Дж. Постижение истории : [сборник] А. Дж Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 731 с.
3. Де Коммин Ф. Мемуары / Ф. Де Коммин. – М. : Наука, 1986. – 496 с.

4. Lebon E. Agonie de l'Europe. 1935–1936–1937 / E. Lebon. – Nancy, 1937. – P. 12.
5. Тэн И. Происхождение современной Франции / И. Тэн. – СПб, 1907. – С. 6.
6. Гизо. История цивилизации во Франции / Гизо. Т. 1, 2. – М., 1877. – С. 27.
7. Пупар П., кардинал. Роль христианства в культурной идентичности европейских народов / П. Пупар // Полис. – 1996. – № 2.
8. Берман Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования / Г. Дж Берман. – М. : Изд-во МГУ : Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – 624 с.
9. Дюби Ж. Европа в средние века / Ж. Дюби. – М. : Пилигримма, 1994. – 312 с.
10. Шпэт Л. Мечта о Европе / Л. Шпэт. – М. : Международные отношения, 1993. – 270 с.
11. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М. : Наука, 1977. – 705 с.
12. Новосельский С. А. Демография и статистика : избр. произв / С. А. Новосельский. – М. : Статистика, 1978. – 268 с.
13. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М. : Прогресс, 1992. – 376 с.
14. Brugmans H. L'idée européenne. 1920–1970. – Bruges, 1970; Duroselle J. B. L'idée d'Europe dans l'histoire. – Paris, 1967; Gruber E. L'idée européenne. – Paris, 1971; Rou-gemont D. The Idea of the Europe. – New York–London, 1966; Voyenne V. Histoire de l'idée européenne. – Paris, 1964.
15. Борко Ю. А., Загорский А. В., Караганов С. А. Общий европейский дом: что мы о нем думаем / Ю. А. Борко, А. В. Загорский, С. А. Караганов. – М. : Международные отношения, 1991. – 231 с.; Фадеева Т. М. Единая Европа: наследие и судьба / Т. М. Фадеева // Вопросы философии. – 1992. – № 4; Фадеева Т. М. Европейская идея: путь к интеграции / Т. М. Фадеева // Вопросы философии. – 1996. – № 5; Чубарьян А. О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира / А. О. Чубарьян. – М. : Международные отношения, 1987. – 352 с.; Чубарьян А. О. Исторические судьбы европейской идеи / А. О. Чубарьян // Европейский альманах. – М., 1990.
16. Фаллачи О. Ярость и гордость / О. Фаллачи. – М. : Вагриус, 2005. – 159 с.

*Н. В. Сажієнко,
асистент кафедри загальногуманітарних дисциплін,
Міжнародний гуманітарний університет*

РОЛЬ РЕГІОНАЛЬНИХ БЮРО ВООЗ В МІЖНАРОДНО-ПРАВОВОМУ СПІВРОБІТНИЦТВІ В СФЕРІ ОХОРОНИ ЗДОРОВ'Я

Виходячи з головної мети ВООЗ: «досягнення всіма народами можливо вищого рівня здоров'я», структура організації повинна реалізовувати її на практиці шляхом представлення необхідної допомоги на місцях. Для відображення регіональних пріоритетів охорони здоров'я та максимальної адаптації до національних потреб різних держав, регіонів, континентів ВООЗ складається з регіональних підрозділів. Ознакою ВООЗ з точки зору структури є регіоналізація її роботи, яка поєднує децентралізацію з централізацією управління. Діяльність Організації здійснюється за допомогою центральних органів та шести регіональних організацій (Регіональне бюро для держав Африки, Регіональне бюро для держав Америки, Регіональне бюро для держав Південно-Східної Азії, Європейське регіональне бюро, Регіональне бюро для держав Східного Середземномор'я, Регіональне бюро для держав західної частини Тихого океану). Такий підхід дозволяє досягти зазначеної мети, враховуючи національні, географічні, кліматичні, економічні та екологічні особливості різних територій і сприяє найкращому відображенню регіональних пріоритетів та проблем.

В період роботи конференції де-факто діяла тільки одна міжурядова організація з регіонального значення – Панамериканське санітарне бюро (Рішенням XV Панамериканської конференції, що відбулася в вересні-жовтні 1958 р., ця організація перейменована в «Панамериканську організацію охорони здоров'я». Див.: Статут ВООЗ), а Панарабське регіональне бюро охорони здоров'я знаходилося на стадії створення [1, с. 46]. На Конференції, яка про-